

РЕЦЕНЗИИ

© 2000 г., ЭО, № 4

В движении добровольном и вынужденном. Постсоветские миграции в Евразии. М., 1999. 319 с.

Рецензируемая книга, вышедшая под редакцией А.Р. Вяткина, Н.П. Космарской и С.А. Панарина, – плод сотрудничества ряда российских ученых с коллегами из Казахстана, Германии, Великобритании. Она рассматривает как теоретические аспекты, наблюдаемые на примере миграционных движений в постсоветском этническом пространстве, так и конкретные примеры этих движений, в основном на территории России, Украины, Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Узбекистана и других постсоветских государств.

Как определяет автор предисловия к книге С. Панарин, в гл. I Т. Шварц (Германия) предлагает свою типологию потоков постсоветской миграции и миграционного режима. В гл. II С. Панарин выделяет из общей массы миграционных перемещений те, которые относятся к этническим миграциям. В гл. III Х. Пилкингтон и А. Физакли рассматривают постсоветские миграции в контексте западных концепций и миграционные институты. В гл. IV Х. Пилкингтон и И. Кострюкова делают контент-анализ российской прессы по проблемам миграции и вынужденных переселенцев за 1994–1995 гг. Первая часть книги заканчивается V гл., написанной Н. Масановым и посвященной конфигурациям миграционных потоков и их факторам на протяжении всей истории Казахстана. Эта глава была бы более уместна во второй части, отданной анализу конкретных примеров: славянской миграции из Казахстана (И. Ерофеева) и Киргизии (Н. Космарская), адаптации русских репатриантов из Средней Азии в Центральной России (Н. Космарская), торговым меньшинствам (в основном кавказцы и китайцы) в Иркутске (В. Дятлов), репатриации крымских татар (А. Вяткин).

Типология потоков миграций, предложенная Т. Шварцем, не отличается ни оригинальностью, ни особой операциональностью. Он выделяет три типа миграций. Тип А – это исторические миграции, которые «начались еще в советскую эпоху» (с. 20): «индустриализационные миграции» с Юга на Север и с Запада на Восток, узаконенная эмиграция немцев, евреев, греков и других народов на историческую родину. Добавим: это и миграции из Центра на Юг (в Крым) и на Запад (в Прибалтику). Отметим: переезд русского человека из Брянщины в Сибирь за «длинным рублем», в Эстонию за лучшими условиями жизни, в Крым или Молдавию за теплым климатом для пенсионеров, не говоря уже о выезде еврея в Израиль и немца в ФРГ, – это все абсолютно разные вещи, и объединение их в один тип ничего не дает. Тем более что построение матричного пространства по осям «контроль – аномия» и «перманентность – катастрофичность» с выделяемыми типами не соотносится: эмиграция в Израиль попадает в первый кантон (левый верхний), переезд русских в Эстонию или Молдавию – скорее во второй, а относимая в этот же тип миграция раскулаченного крестьянства в восточные районы страны – в третий (левый нижний), ибо она сочетает в себе государственное регулирование с катастрофичностью.

К типу Б отнесены миграции, возникшие в результате этнического конфликта. Тип В – «это миграции, обязанные своим появлением интеграции новых независимых государств в глобальную миграционную систему». Это длинное и малоосмысленное словосочетание (ибо на деле ни о какой интеграции и речи быть не может) по существу обозначает просто миграции с «перешагиванием» через руины некогда сдерживавшего их «железного занавеса». Тип опять-таки выделен не операционально, ибо выезд в Израиль и ранее был таковым; а кроме того, чем типологически отличается переезд таджикского таджика в Москву от переезда афганского таджика через Москву в Стокгольм, непонятно, тем более что гонят их одни и те же беды.

Небольшое позитивное содержание, имеющееся в этой статье, сосредоточено в ее конце: это указание на то, что прагматизм ЕС в отношении восточных соседей «оправдан, но и близорук» (возразим: и близорук, и неоправдан) и что «пора отказаться от устаревших представлений о национальной и европейской безопасности, причем не только из-за миграционных аспектов европейской политики» (и снова добавим: да, давно пора, но, кажется, уже поздно).

И конечно, следует согласиться с последними строчками: хотя «процессы институционализации миграционных режимов... обеспечивают... хорошие стимулы для умножения исследований», их результаты «в лучшем случае сгодятся для сравнения постсоветских миграций с иными известными в мировой истории миграционными потоками, но уж никак не для создания первоклассных научных теорий». Воистину, «уж никак»! Время создания «первоклассных теорий» еще не пришло (а может быть и даже вероятнее всего, уже давно прошло), и это впечатление перекликается с утверждением С. Панарина в следующей гл. II: «Объяснительная способность популярных концепций... сохраняется до тех пор, пока эти концепции прилагаются к миграционным ситуациям, идентичным или близким тем, что послужили строительным материалом при концептуализации. И она падает, как только ту или иную концепцию начинают использовать для объяснения ситуаций, при ее разработке вообще неизвестных или известных недостаточно» (с. 31).

Это справедливое утверждение вполне приложимо и к «объяснительным способностям» концепций, выдвигаемых самим С. Панариным в данной главе. Они созданы на постсоветском материале, и только постсоветские миграции они и могут прокомментировать. Но для этой конкретной цели они, по крайней мере, достаточно операциональны.

Довольно много места С. Панарин уделяет обоснованию понятия этнической миграции, уяснению, в каких случаях очевидно, что основным фактором миграции служат этнические, а не иные – скажем, чисто экономические – мотивации. Он выделяет четыре этнические конфигурации миграций: от своих к своим (скажем, русские переезжают из Москвы в Хабаровск или наоборот); от своих к чужим (выезд русских в Европу или Америку); от чужих к своим (из Казахстана в Россию); от чужих к чужим (например, турки-месхетинцы выезжают из Узбекистана на Кубань). Этнокультурный аспект, по С. Панарину, присутствует во всех случаях, кроме первого.

Следует возразить, что этнокультурный аспект присутствует в той или иной мере всегда и везде: коренной москвич во многом отличается от хабаровчанина, если не на этническом, то на культурно-поведенческом и в конечном счете на субэтническом уровне, пусть и минимальном. Во втором случае этническим аспектом (опасностью отчуждения) просто пренебрегают. Впрочем, наблюдая русских эмигрантов в США (этнических русских, а не «русскоязычных»!), я нередко отмечал их осознанное этнокультурное отторжение от покинутой России, позитивную концепцию «американскости», сознательную установку на скорейшую ассимиляцию. Внутри России сходные установки можно найти у многих финно-угров (коми, мордвы и др.), мигрирующих за пределы своего этнического ареала, и т.д. Так что этнической миграцией в строгом смысле слова следует считать миграцию из зоны большей в зону меньшей (хотя бы предполагаемой) отчужденности.

Вполне можно согласиться с С. Панариным в констатации бесполезности выделяемых российской статистикой типов мигрантов – «вынужденных переселенцев», «беженцев», «эмигрантов» и «мигрантов». Он вводит свои понятия, более метафорические, но и более операциональные. Это «ищущие убежища» (наиболее классический пример – месхи-турки); «дети империи» (русские и русифицированные); потерявшие советскую самоидентификацию и стремящиеся компенсировать ее российской или какой-либо иной (например, советские немцы); «репатрианты» (менее удачно названная и менее четкая группа – сюда отнесены не только те же немцы, уезжающие в ФРГ, но и армяне, едущие и из России, и даже из Армении в США в надежде на помощь тамошней диаспоры, и крымские татары, едущие в Крым), и, наконец, «торговые меньшинства» (азербайджанцы в Центральной России, китайцы в Сибири). Я полагаю, что последняя категория не относится, строго говоря, к этническим мигрантам – их миграция мотивирована лишь экономически, хотя и порождает острые этнические проблемы.

С рядом утверждений С. Панарина никак нельзя согласиться: например, неверно говорить в отношении конфликтов в Чечне и Приднестровье, что «в предшествовавших им конфликтных ситуациях этническая составляющая была относительно ослаблена» (с. 59). Нельзя утверждать, что в состав «детей империи» «попадают маргинальные ассимилированные группы выходцев из титульных народов... для которых русский язык и русская культура значат больше, чем этнические корни». Это, как уже отмечалось, массово свойственно только представителям финно-угорских народов России, да и то не всех, но С. Панарин явно имеет в виду не их; о других же титульных народах это можно сказать лишь в отношении редких индивидуальных случаев, но никак не групп и даже не «группок» (с. 61).

В целом в гл. II содержится значительно больше концептуальной ценности, нежели в гл. I, и все-таки ее наиболее явная познавательная значимость сосредоточена прежде всего в иллюстрирующем и комментирующем конкретном материале, в особенности когда речь идет о Казахстане или Азербайджане. Мы видим,

что этнические факторы миграций выступают в сложном переплетении с неэтническими, что само этническое давление или отчуждение принимает самые разнообразные формы и что каждый конкретный миграционный поток именно в силу этой множественности факторов обладает своим неповторимым и трудно поддающимся типологизации силуэтом.

Глава III – «Постсоветские миграции в контексте западных миграционных теорий» – принадлежит перу Х. Пилкингтон и А. Физакли (Великобритания).

В основе их исследования лежит попытка определить, как постсоветский материал укладывается в два основных западных теоретических подхода к миграции: *объективистский*, придающий основную значимость внешним «структурам», стимулирующим или сдерживающим миграцию, и *субъективистский*, признающий примат за «агентами» миграций, т.е. индивидами, принимающими миграционные решения.

Очевидна выпирающая схоластика этих и им подобных теорий. В постсоветских условиях разделение на экономических мигрантов и политических беженцев бессмысленно: экономическое положение людей детериорирует именно вследствие изменения политических условий, и люди уезжают, ибо и на свой уменьшившийся доход они прожить уже не могут. К постсоветским миграциям очень мало приложим эпитет «добровольные»; западные исследователи обычно, за вычетом потоков беженцев от локальных войн, имеют дело с движением от сносного к лучшему, тогда как в СНГ идет бегство от невыносимого к мало-мальски сносному. В конце главы, чтобы «избегнуть слишком резкого разграничения между экономическими (добровольными) и политическими (недобровольными) мигрантами» (с. 97), предлагается трактовка А. Ричмондом принятия решения о миграции как некоего пространства между упреждающим выбором тех, кто ищет лучшего, и спонтанной реакцией на насилие и катастрофу. В действительности это разница между бегущими от уже свершившейся катастрофы и бегущими от осознания ее неизбежного приближения. При этом следует понимать, что катастрофа – это не только погром или артобстрел; закрытие градообразующего завода или русскоязычных школ – для многих не меньшая катастрофа.

Глава IV, посвященная контент-анализу прессы 1994–1995 гг., охватывает время, когда проблема вынужденных переселенцев была одной из центральных в обсуждении российской внешней и внутренней политики. Основной вывод, который можно сделать из этого анализа, неутешителен: кроме узкого круга правозащитников и близких к ним маловлиятельных принципиальных либералов-идеалистов, никто в России не заинтересован в реальном улучшении условий и перспектив ни уже вернувшихся репатриантов и беженцев, ни тех, кого обстоятельства подталкивают к решению о миграции.

Реально всех политиков устраивает статус-кво: пусть все остаются там, где они есть, и продолжают страдать, как страдали, ибо это позволяет использовать страдающее население как рычаг давления либо оппозиции на существующую власть, либо Кремля «на новые независимые государства», прежде всего в Прибалтике, затем в Закавказье и менее всего – в Средней Азии, хотя именно там положение русских наиболее тяжелое.

Глава V – «Миграционные метаморфозы Казахстана» (автор Н. Масанов), как уже говорилось, была бы более уместна не в первой, концептуальной, а во второй, конкретно-региональной, части книги.

Весьма содержательная, основанная на большой эрудиции автора и его глубоком научном понимании основных затрагиваемых проблем глава содержит как бы два основных мотива. Один из них – это широкий исторический взгляд на менявшееся место Казахстана в конфигурации миграций, происходивших в срединном поясе Евразии в течение тысячелетий. Большую часть своей истории Казахстан играл роль преимущественно миграционного коридора для движений по осям Север – Юг и особенно Восток – Запад. Только с присоединением Казахстана к России эта роль Казахстана сходит на нет, и с середины XIX в., чем далее, тем более, он начинает становиться реципиентом переселений для разных социальных групп и разных направлений, но более всего из Европейской России.

В XX в., и особенно в советское время, в результате ссылок, депортаций, волн беженцев, а затем освоения целины и т.д. разнообразие и мощь этих миграционных потоков все более усиливается, тем более что голодомор 1930-х годов почти вдвое уменьшает численность самих казахов. Можно согласиться с Н. Масановым, что и эта страшная катастрофа казахского народа, и резкий рост доли пришлого населения были не результатом намеренного геноцида и этноцида, а следствием общей социально-экономической политики КПСС, но Н. Масанов «забывает» сказать, что это обстоятельство не снимает с нее клейма преступности.

После коллапса СССР и провозглашения независимости роль Казахстана резко меняется: он перестает быть приемником для мигрантов (правда, Н. Масанов опять «забывает» сказать, что Казахстан принимает некоторое, хотя и не очень большое, число этнических казахов – переселенцев из Российской Федерации).

Китая и Монголии) и становится донором мигрантов, главным образом русскоязычных, направляющихся в Россию (отчасти и далее, на Запад), тогда как Россия из страны-донора превращается в ярко выраженную страну-реципиента. Однако Н. Масанов полагает, что это явление временное и в дальнейшем Казахстан вновь станет реципиентом иноэтнических миграций, но на сей раз с юга и востока (из Таджикистана, из Китая и т.д.).

Время покажет, насколько он в этом прав. Во всяком случае ясно, что существенная иммиграция из Китая вряд ли минует какие-либо территории СНГ к востоку от Урала (подробнее об этом см. гл. IX данной книги). Что же касается и прошлого, и настоящего, то труд Н. Масанова содержит ценные фактические, в том числе статистические, данные, и их серьезный анализ будет полезен каждому, кто сумеет с достаточной долей юмора воспринять второй его мотив, не столько рациональный, сколько эмоциональный, не столько научный, сколько публицистический. Мотив этот состоит всецело из «русскопатриотических» нот, и прозвучи он в писаниях какого-нибудь русофильствующего репортера из газет «Советская Россия» или «Завтра», он не привлек бы к себе особого внимания, но, исходя из-под пера казахского ученого, он смотрится довольно странно.

Отечественным квазилибералам вообще очень свойственны прекраснотушные стенания по поводу нарушения примата «священных» прав индивида и личности, злокозненно попираемых «удельными князьями» или «националистической толпой» ради «надуманных» прав группы или этноса. Не свободна от отголосков этих lamentаций и рецензируемая книга, но особенно сгущены они именно в главе Н. Масанова. Он с негодованием пишет об «этнографическом прессинге новой власти» (с. 145), «жестком, иезуитски изощренном» в странах Балтии, «агрессивно-русобобном» в Закавказье, «примитивно-беспощадном» в Средней Азии, «прокурорски-обвинительном» на Украине. Только Белоруссия не подверглась инвективе, очевидно, именно потому, что лукашенковский режим «великорусскость» насаждает, а «белорусскую особость» исподтишка вымарывает. Что же до Казахстана, то оказывается, «главное, что глубоко задевает большинство русских, чего они больше всего боятся, это угроза их ассимиляции посредством переписывания истории, внедрения казахского языка во все сферы жизни, перенаименования всего, вплоть до водочных этикеток и даже новых, нерусифицированных фамилий» (с. 147). Правда, мой жизненный опыт подсказывает, что русский человек обычно без страха и отвращения взирает на любую водочную бутылку, как бы заковыристой она не называлась. Конечно, если фамилии соседей будут заканчиваться на «улы» или «кызы» вместо привычных «ов» или «ев», тут есть над чем призадуматься (а как живет русским людям среди «зонов», «ингов», «леев» или «ингтонов?»). То, что все это на самом деле совершенно естественные и необходимые шаги при попытке поднять национальную культуру и язык из бездн глубочайшего (и искусственно созданного!) упадка, Н. Масанову в голову не приходит. А то ли еще было и есть в Чехии, Каталонии, Квебеке и в других «этнократических» странах и на территориях, которым в цивилизованности не откажешь?

Характерно, что иная точка зрения промелькнула в книге только один раз, притом в виде цитаты именно у британских авторов: «С более теоретических позиций успешное наступление на различные проявления российского неоимпериализма предпринял историк и демограф А. Вишневецкий. ...Вишневецкий с пониманием относится к восприятию русских в новых независимых государствах как пятой колонны "старшего брата". ...Память об имперском прошлом настолько жива, что вряд ли будет успешной интеграция русскоязычных в новые общества» (с. 110). Странно, но то, что сумел увидеть русский историк А. Вишневецкий, не хочет видеть казахский этнограф Н. Масанов, не нашедший для завершения своей статьи ничего, кроме пропагандистского клише: «Эйфория суверенитета рассеивается, как утренний туман. У русских и у казахов, хотя и не синхронно, нарастают интеграционные настроения» (с. 150).

Еще одна, посвященная Казахстану и рассматривающая две наиболее «славянские» области страны – Северо-Казахстанскую (СКО) и Восточно-Казахстанскую (ВКО) глава, написана И. Ерофеевой. Здесь на 1989 г. русское население составляло до 2/3 всего населения, а казахское – только 19% в СКО и 27% в ВКО. Проанализировав этническую ситуацию, И. Ерофеева приходит к выводу, «что экономическая мотивация не является главным стимулом... при принятии миграционных решений» (с. 178). Они стимулируются «озабоченностью будущим своего потомства и желанием сохранить в неприкосновенности свою этнокультурную идентичность». Что конкретно угрожает потомству, остается неясным, и даже, если оно будет учиться в казахскоязычных школах, надо думать, идентичность свою с русской на казахскую не сменит. Другое дело, что, по данным И. Ерофеевой, 83,3% усть-каменогорцев и 79,8% петропавловцев «не воспринимают себя в качестве граждан Республики Казахстан». Что ж поделаешь, насильно мил не будешь, но в США в таких случаях говорят: «Love it or leave it» – «Или люби эту страну, или уезжай». Однако,

согласно данным обследования И. Ерофеевой, 32% жителей Усть-Каменогорска и 28% жителей Петропавловска твердо намерены оставаться в Казахстане и именно тут отстаивать свои индивидуальные и групповые права.

Совсем иную картину рисует глава, написанная Н. Космарской и посвященная динамике отъездов из Киргизии. Эмиграция русских из Киргизии, достигшая апогея в 1993–1994 гг., сейчас почти прекратилась, и вовсе не из-за того, что иссяк эмиграционный потенциал, а из-за изменения общественного настроения. Имеется немало сначала уехавших, а затем вернувшихся. Их опыт свидетельствует о том, что переезд из Киргизии в Россию – далеко не всегда переезд от худшего к лучшему (подробнее об этом сказано в следующей гл. VIII того же автора). В общем, растет осознание того факта, что русский человек может вполне благополучно и даже лучше, чем в России, жить в Киргизии и ощущать себя полноценным и лояльным гражданином этой страны – феномен, которого пока в Казахстане явно не наблюдается.

Несомненно, в разных выводах И. Ерофеевой и Н. Космарской отразились субъективность авторов, различие их гражданских позиций, но, видимо, все-таки их выводы отражают объективные факты. Риску предположить, что где-то хотя бы на уровне подсознания разница установок русских в Киргизии и Казахстане отчасти может объясняться тем, что Киргизия территориально отдалена от России и заселение ее русскими носило безусловно колониальный характер, поэтому и претензии засельников скромнее. В Казахстане же довольно условная и случайная граница отделяет «славянские» области страны от соседних сибирских областей РФ с таким же населением, с той же историей заселения, и поэтому многие русские привыкли считать себя живущими в России и чисто случайно оказавшимися по другую сторону границы. Любопытным в этом плане могло бы быть социопсихологическое обследование Калининградской обл., Курильских островов и других, ныне почти стопроцентно «русских» территорий: сколь многим из их жителей присущи «диаспорная ментальность», осознание того, что они живут «не на своей земле».

Глава VIII повествует о колоссальных культурных и социопсихологических различиях между репатриантами из «новых государств» и коренными жителями русских областей-реципиентов, о враждебном отношении к репатриантам, об испытываемом ими культурном шоке. Глава очень поучительна; отмечу лишь, что сходный феномен наблюдается и на других материалах. Отчужденность и прямую враждебность со стороны местного населения испытывают многие, если не все, репатрианты: осетины-«кударцы» из ЮОАО среди осетин-иронцев в Северной Осетии, армяне-бакинцы среди армян Армении, армяне Закавказья среди донских армян, российские немцы среди немцев ФРГ. Сходное отчуждение испытывают «кибэи» – американские японцы, по разным причинам хотя бы временно переезжающие в Японию. Резкую враждебность среди «черных американцев» – исконных негров США – вызывают «черные иммигранты» из стран Африки и Карибского бассейна. Примеры можно умножить, хотя сам феномен изучен мало. Создается впечатление, что в конфронтации «мы – они» наибольшее отталкивание вызывают не «совсем чужие», «экзотические» «они» (к ним как раз может проявляться благожелательный интерес), а такие «они», которые «вроде бы как мы, а все-таки не совсем мы, или совсем не мы»: можно вспомнить и давнишнюю неприязнь евреев к караимам, и предубежденность восточных грузин к мегрелам, да и русско-украинские отношения отчасти подходят под эту схему; в общем, это феномен отнюдь не только миграционный.

Глава IX (автор В. Дятлов) рассматривает положение и оценку населением «торговых меньшинств», в основном на примере Иркутска, но с экстраполяциями на Россию в целом. Сегодня «торговые меньшинства» в России – это разные категории «лиц кавказской национальности», но более всего азербайджанцы, а восточнее Урала – также китайцы и корейцы (они, а также вьетнамцы есть и в европейской части России, но в меньшем числе). Разные этнические группы часто конкурируют между собой, используя мафиозные методы: в частности, кавказцы сильно потеснили обширную в Сибири еще 30–15 лет назад среднеазиатскую торговую диаспору (таджики, узбеки).

В силу преимущественно нелегального статуса и характера бизнеса торговых меньшинств в России оценки и их численности, и экономической активности очень затруднены. Одни утверждают, что именно эти меньшинства дают до 80–90% криминалитета. По другим оценкам, процентное распределение тяжелых преступлений среди национальностей не очень отличается от доли этих национальностей в общем населении. Глава, написанная В. Дятловым, дает объективную, непредвзятую картину жизни и деятельности торговых меньшинств в Иркутске, более или менее показательную для многих других городов Восточной России. Вполне справедлив и его вывод: «Отношение к меньшинствам – классический индикатор общественного здоровья. Умение жить в конфликте, управлять им, делать его мотором развития – показатель силы и здравомыслия» (с. 213).

Последняя гл. X книги (автор А. Вяткин) рассматривает проблему репатриации и адаптации крымских

татар. Статья информативна, но в ней практически не освещена история тяжелейшей борьбы татарского народа за право на родину с помехами, чинившимися как властями Крыма, так и русскошовинистически настроенной частью (пожалуй, большинством) его населения. Статья показывает и трудности, с которыми приходится сегодня бороться репатриантам, и то, что резервы репатриации уже в значительной мере исчерпаны.

Рецензируемая книга должна быть оценена достаточно высоко. Она содержит ценный, умело систематизированный и поучительный фактический материал, делает из него ряд справедливых выводов: она написана в целом с объективных, либеральных и демократических позиций, на фоне которых отдельные рускопатриотические нотки выглядят скорее случайным исключением. Слабее ее концептуально-теоретическое содержание, и все же некоторые позитивные попытки типологизации можно признать удачными: дело лишь в том, что поток постсоветских миграций столь многофакторен и многолик, что каждая из них в своем роде неповторимо уникальна.

Панорама миграционных тенденций, вырисовывающаяся при чтении этой книги, сложна и многогранна, но в ней угадывается некоторая общая нить, ведущая к выводу, который в книге не сделан, но напрашивается. Все постсоветское пространство, как и весь мир, делится на регионы-доноры и регионы-реципиенты. При этом доноры потому и доноры, что стремятся «вытолкнуть» из себя этнические и/или социальные меньшинства; основным мотиватором «выталкивания» служит стремление оформиться в этнократические, этнически однородные, гомогенизированные нации-государства или хотя бы в этнократически самодостаточные территории. Во многих случаях цель эта может в обозримом будущем в общем и целом осуществиться. Другие регионы, в основном тяготеющие к крупным центрам-мегаполисам, пусть часто нехотя и с оговорками, но принимают на себя роль реципиентов миграций и тем самым наращивают свою этнокультурную мозаичность и диверсифицированность. Именно эти центры и не в последнюю очередь именно благодаря этой самой диверсифицированности и возможности принимать лучшие сливки миграционных потоков создают для себя перспективу динамичного культурного и экономического роста; регионы же, добившиеся полной гомогенности и избавившиеся от досадных, создающих лишние проблемы меньшинств, обрекают себя на провинциальную стагнацию.

С.А. Арутюнов

© 2000 г., ЭО, № 4

Полиэтническое общество и конфликт. Тбилиси, 1998. 286 с.

В 1995–1997 гг. группа грузинских ученых – этнографов, конфликтологов и психологов – работала над исследовательским проектом «Раннее выявление этнических конфликтов и определение социальной установки групп в полиэтничном обществе». Познавательные задачи проекта, без сомнения, были сформулированы в качестве попытки найти концептуальный ответ на актуализированные проблемы нынешнего этапа социо- и этнополитического развития Грузии, в том числе в сфере межэтнических отношений, которые складывались крайне неблагоприятно и конфликтно. Впрочем, авторы видят в этом проявление определенной закономерности: в переходных обществах, по их мнению, обостряются все виды социальных противоречий, поэтому Грузия, в которой переход от тоталитарно-советского прошлого к институтам гражданского общества и независимой государственности еще далеко не завершен, была как бы «запрограммирована» на конфликты.

Изучение конфликтов в генетическом, историческом и прогностическом аспектах открывает широкий диапазон исследовательских задач, начиная с вопроса о том, почему в обретшей независимость и провозгласившей свою приверженность демократическим ценностям Грузии социальное противостояние возникло в том числе и в межэтнической сфере. Однако исследовательский проект имел более узкие предметные рамки, что, впрочем, отнюдь не лишает рецензируемую работу научной значимости и практической актуальности. В частности, авторы избрали зоной исследования Ниноцминдский р-н Грузии – контактную зону взаимодействия проживающих здесь трех этнических групп: русских-духоборов, армян и грузин. Их